

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА В ПЕРЕВОДНЫХ СООТВЕТСТВИЯХ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ АКУНАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А. И. Ковалева

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru

Изучается вопрос о возможности и необходимости анализа случаев лексических лакун при изучении внутренних форм переводных соответствий. Обоснована необходимость в качестве оригинального способа отражения особенностей объекта в его наименовании рассматривать не разницу внутренних форм переводных соответствий сопоставляемых языков, а уникальную внутреннюю форму. Сопоставление цельнооформленных и раздельнооформленных единиц предложено проводить на базе мотивирующих суждений. В качестве носителей уникальной внутренней формы рассматриваются цельнооформленные номинации, внутренняя форма которых не выявляется в мотивирующих суждениях, построенных на базе их раздельнооформленных соответствий.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; переводные соответствия; лексические лакуны; мотивирующее суждение.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) традиционно рассматривается в качестве параметра межъязыкового сопоставления. Она является вербализованным хранителем информации об объекте номинации, поэтому, подчеркивая национальную специфику наименований одного и того же объекта действительности в разных языках, указывают на случаи различной ВФ переводных соответствий, как, например, рус. *блюдец* (посуда подобна блюду) – бел. *сподак* (талерка, якая ставіцца пад спод кубка). Однако лексические системы сопоставляемых языков могут располагать более чем одним способом обозначения одного и того же объекта, что в переводном словаре отражается в виде векторных соответствий, в которых одной лексической единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления [1, с. 35]: бел. *акраец* – рус. *горбушка, краюха*. Как видно из иллюстрации, в паре бел. *акраец* – рус. *краюха* ВФ слов совпадают, а в паре бел. *акраец* – рус. *горбушка* различаются. Таким образом, если анализ ВФ проводится в целях выявления оригинального, неповторимого в пределах единиц сопоставляемых языков способа отражения особенностей объекта в его наименовании, оптимально сделать акцент не на **различии** ВФ, которое, как в предложенном выше примере, не является показателем специфического, а на **уникальной** ВФ, присущей наименованию некоторого объекта в одном языке и отсутствующей у его соответствий в другом (рус. *горбушка*).

В ходе анализа ВФ лексических единиц, не ограниченных рамками определенной ЛСГ, на базе переводного словаря в фокус внимания исследователя попадает еще одно уникальное явление – лексические лакуны, под которыми понимают «случаи, когда слову одного языка нет однословного эквивалента в другом языке» [2, с. 8]. Открытым остается вопрос о том, является ли необходимым и возможным изучение лексических лакун с целью выявления уникальной ВФ слова.

Поскольку «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка» [3, с. 172], в переводном словаре случаи лексических лакун имеют вид «цельнооформленная номинация (далее – ЦН) – раздельнооформленная номинация (далее – РН)». Последняя, именуемая заполнителем лакуны, раскрывает смысл ЦН. При этом формальное различие в способе выражения мысли (цельнооформленная номинация – раздельнооформленная номинация) не имеет корреляции с различием оснований рассматриваемых наименований: переводные соответствия, расцениваемые как случаи лексических лакун, демонстрируют не только разницу (рус. *кубышка* – бел. *жоўты гарлачык*), но и совпадение оснований номинации (бел. *расіцца* – рус. *становиться мокрым от росы*). Следовательно, поскольку ВФ является способом запечатления в структуре мотивированного слова основания номинации, лакуны требуют рассмотрения при анализе ВФ переводных соответствий сопоставляемых языков. Причем круг лакун, вовлекаемых в процесс исследования, должен быть ограничен только теми переводными соответствиями, цельнооформленный компонент которых обладает ВФ. Таким образом, при выявлении уникальной ВФ рассмотрению подвергаются словообразовательно обусловленные лакуны (бел. *укасіць* – рус. *смочь косить*; раздельнооформленный компонент таких лакун соответствует структурно мотивированному слову) и та часть собственно лексически обусловленных лакун, цельнооформленный компонент которых соответствует семантически мотивированной единице (бел. *цыркаць* ‘даваць, выдаваць важыць патроху, невялікімі порцыямі’ от *цыркаць* ‘ліцца, біць маленькімі струменьчыкамі’ – рус. *давать маленькими порциями*). Вне сферы интересов исследования остаются грамматически обусловленные лакуны как лакуны, возникшие по причине невозможности передачи грамматического значения аффиксальным способом в одном из сопоставляемых языков (рус. *злее* – бел. *больш злы*), а также собственно лексически обусловленные лакуны, цельнооформленный компонент которых не является мотивированным (бел. *кубел* – рус. *кадка с крышкой*).

Сложность сопоставления заполнителей лакун и их переводных соответствий связана с их разнооформленностью: заполнители лакун представляют собой сочетания слов, словосочетания и предложения. Таким образом, невозможно указать на наличие у данных единиц ВФ слова. Однако при выявлении уникальных ВФ слов нецелесообразно исключать из анализируемого материала случаи разнооформленных номинаций, поскольку отсутствие ВФ слова у раздельнооформленной единицы не отрицает уникальности ВФ ее цельнооформленного переводного соответствия (бел. *прысценак* – рус. *боковая пристройка*). С другой стороны, неверным будет рассматривать все пары вида «ЦН–РН» как соответствия, ВФ цельнооформленного элемента которых в любом случае уникальна лишь потому, что ему соответствует раздельнооформленный элемент. В данном случае необходимо учитывать следующее. К причинам существования словообразовательно обусловленных лексических лакун можно отнести:

- отсутствие в одном из языков такого же формантного средства выражения семы, как в другом;
- меньшую продуктивность формантного выражения семы в одном из языков;
- неспособность форманта присоединиться к некоторой мотивирующей базе по морфонологическим причинам в одном из языков;
- тематическое ограничение формантного выражения семы в одном из языков;
- особенности орфографии (бел. *непатрэбна* – рус. *не нужно, не надобно*).

Кроме того, встречаются и лексические лакуны, наличие которых «не запрещено» языковой системой, поскольку в ней нет препятствий для создания цельнооформленных номинаций, однако лакуна существует (рус. *ручник* – бел. *ручны молат*; подробнее об этом – в [2, с. 87–91]). То же справедливо и для лексически обусловленных лакун, цельнооформленный компонент которых является семантически мотивированным.

Это убеждает в том, что раздельнооформленную номинацию можно считать «“запасным” способом наименования, который компенсирует недостаточность словообразовательных средств» [4, с. 238] либо нереализованные возможности семантической деривации (бел. *прыперціся* ‘знайсці сабе прыстанішча, прыстроіца дзе-небудзь’ от *прыперціся* ‘абAPERціся аб што-небудзь, прываліцца да чаго-небудзь, стаўшы або сеўшы дзе-небудзь’ – рус. *найти пристанище*). В то же время в речи на языке, в лексической системе которого фигурирует ЦН, всегда есть возможность передать ее смысл РН. Например, в русском языке нет слова для наименования зайца

серого цвета, а в белорусском есть – *шарак*. При этом по-белорусски, как и по-русски, его можно назвать и *зайцам шэрага колеру*, и *шэрым зайцам*. Таким образом, если изучение ВФ переводных эквивалентов проводится с целью выявления исключительных в рамках сопоставляемых языков оснований номинации одного и того же объекта, под ВФ целесообразно понимать некоторое слово А (*играть*), имеющее формальное выражение в структуре слова В (*игрушка*), причем связь между объектами, именуемыми словом А и словом В, лежит в основе наименования В (*игрушка* – предмет, с которым играют) и осознается носителями языка на современном этапе его развития. Естественно, что ВФ составляет только часть основания новой номинации, поскольку в структуре деривата выражен объект, через связь с которым осознано новое наименование, но далеко не всегда выражена сама связь: структура белорусского слова *папіхач* от *папіхаць* ‘абыходзіцца зняважліва з кім-небудзь’ позволяет интерпретировать его и как человека, который кем-то помыкает, и как человека, которым помыкают. В речевой практике закрепился только второй вариант. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «отсылочная часть производного слова, которая по идее должна отсылать ко всему объему знаний, заимствованного из мотивирующего источника, оказывается только таким его следом, который, сигнализируя о сложном значении, не выражает его эксплицитно полностью» [5, с. 165].

Если признавать, что «производное отражает в свернутом виде тот же тип связи, что выражен и в высказывании» [5, с. 13], и рассматривать процесс словообразования на синтаксической основе, то для экспликации связей, сложившихся между именуемым объектом и объектом, через который осуществляется наименование, необходимо прибегнуть к мотивирующему суждению – высказыванию, представляющему собой такую перифразу мотивированного слова, которая семантически ему эквивалентна и выявляет все его значения в форме расчлененной эксплицитной номинации [5, с. 12]. Являясь предикативной единицей, мотивирующее суждение строится как сочетание идентифицирующего подлежащего с приписываемым ему сложным признаком, отражаемым сложным предикатом [5, с. 168]: мотивирующим суждением для бел. *разгародка* ‘разгароджанае месца ў плоце’ служит суждение **хтосьці разгарадзіў месца ў плоце**. Изначально предложенное для описания структурных дериватов, понятие мотивирующего суждения может быть применимо и для семантических дериватов. Например, для бел. *ламачына* ‘нязграбны, няздатны (пра чалавека, жывёлу, звычайна старых)’ мотивирующим суждением служит **хтосьці падобны да ламачыны ‘старой або**

сапсаванай, непригоднай рэчы'. Кроме того, на основании данных, представленных в РН, также можно составить мотивирующее суждение. В качестве переводного соответствия бел. *разгародка* выступает рус. *разгороженное место в заборе*, мотивирующее суждение – **кто-то разгородил место в заборе**.

Таким образом, если использовать понятие мотивирующего суждения, то ЦН и РН, расцениваемые как переводные соответствия, могут быть сопоставлены с точки зрения основания номинации. Поскольку, согласно представленному выше определению ВФ, она представляет собой слово, определить уникальную ВФ в паре «ЦН – РН» – значит сравнить мотивирующие суждения обеих единиц и выяснить, присутствует ли слово, представляющее собой ВФ ЦН, в мотивирующем суждении РН. Его наличие будет означать, что ВФ ЦН не уникальна, поскольку основание обеих номинаций идентично, различие состоит лишь в том, что в одном языке оформилась ЦН, а в другом – нет: бел. *пухоўка (хтосьці зрабіў шапку з пуху)* – рус. *пуховая шапка (кто-то сделал шапку из пуха)*. Напротив, невозможность составить мотивирующее суждение для РН, содержащее ВФ ЦН, свидетельствует об уникальности данной ВФ. Уникальную ВФ ЦН на фоне их раздельнооформленных соответствий можно выделить в следующих случаях.

1. ЦН и РН основаны на разных характеристиках именуемого объекта. Например, бел. *кутнік* и рус. *коренной зуб* 'один из пяти задних зубов с каждой стороны верхней или нижней челюстей'. Белорусское слово запечатлело место расположения зуба внутри ротовой полости, а русское наименование – наличие у зуба более чем одного корня, что отличает коренные зубы от других видов зубов. Данные характеристики зуба не связаны между собой, одна из них не определяет существование другой.

2. ЦН и РН указывают на одну характеристику именуемого объекта, но цельнооформленное соответствие обладает метафорической ВФ или ВФ, основанной на синекдохе. В силу того, что РН должны максимально полно и точно выразить особенности семантики ЦН (исключение составляют лишь РН – устойчивые сочетания вроде *чай луговой*), раздельнооформленные соответствия не основываются на метафоре или синекдохе. Следовательно, в таких парах мотивирующие суждения всегда различны. Бел. *чубіць* соответствует рус. *трепать за волосы*. Белорусское слово обладает ВФ, основанной на синекдохе, поскольку его значение 'тузаць каго-небудзь за валасы', а мотивирующее суждение, восстанавливаемое из его ВФ, – **хтосьці тузае каго-небудзь за чуб**. Мотивирующим суждением русского соответствия будет **кто-то треплет кого-то за волосы**.

3. ЦН и РН основаны на одной и той же характеристике объекта, ЦН обладает метонимической ВФ, мотивирующие суждения описывают одну и ту же ситуацию, участником которой является именуемый объект, с разных сторон. Рус. *зудень* соответствует бел. *кароставы клешч*. Мотивирующее суждение для русского слова – **клещ вызывает зуд**, для белорусского – **клешч выклікае каросту**. Поскольку зуд является симптомом чесотки, мотивирующие суждения описывают одну ситуацию, поскольку зуд сам по себе чесоткой не является, ВФ русского соответствия уникальна.

Таким образом, случаи лексических лакун требуют рассмотрения при выявлении уникальных ВФ переводных соответствий. Сопоставление цельнооформленных и раздельнооформленных единиц рационально проводить на базе мотивирующих суждений. Типы уникальных ВФ, наблюдающиеся среди пар «ЦН – РН», соответствуют типам уникальных ВФ в парах, где оба компонента – ЦН.

Библиографические ссылки

1. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М. : АСТ : Восток–Запад, 2007.
2. Роўда І. С. Рознаўзроўнёвая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакун). Мінск : БДУ, 1999.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : ООО «Издательский Дом «Филология три», 2002.
4. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л. : Просвещение, 1977.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : «Наука», 1981.